

Внутренняя энергия — вещь, которую некоторые не могут освоить за всю свою жизнь. Людей, владеющих внутренним искусством, в мире едва ли наберется сотня, а тех, кто обладает глубокой внутренней энергией, и вовсе можно пересчитать по пальцам.

Даже он, будучи тайным стражем, лишь однажды видел, как человек, одержимый демоном из-за неправильной практики, одним движением, используя внутреннюю энергию, сбил с ног целую толпу.

Свист!

Порыв ветра пронесся мимо.

Дзынь!

Звук упавшей деревянной таблички отчетливо отозвался в ушах каждого. Все застыли в крайнем изумлении.

Табличка лежала на земле, а бамбуковая палочка глубоко вонзилась в стоявший позади деревянный шкаф. Торговец стоял, побелев от страха.

— У тебя есть еще девять попыток, — обернувшись, сказал Сы Юцзинь, обращаясь к Ци Пэйсюаню.

Ци Пэйсюань сиял от радости, словно именно такого исхода он и ожидал.

Тут засуетился торговец. Этот нефрит стоил куда дороже пяти медяков, и он поспешно проговорил:

— Господин, я верну вам деньги, давайте вы не будете больше играть?

— Хозяин, что за дела? Мы хотели купить лишь один выстрел, вы отказались. Я сделал, как вы просили, и купил десять — почему же теперь вы не даете мне играть? Кстати, отдайте приз этому господину рядом со мной, — произнес Сы Юцзинь.

Торговец был крайне недоволен, но под пристальными взглядами толпы ему пришлось отдать нефритовую подвеску Ци Пэйсюаню.

Ци Пэйсюань тут же снял свой дорогой нефрит бараньего жира и надел белый теплый нефрит, выигранный для него Сы Юцзинем.

— Что теперь? — Сы Юцзинь снова посмотрел на Ци Пэйсюаня.

Ци Пэйсюань окинул взглядом призы:

— Осталось девять выстрелов. Давай вон тот ряд.

Не видя ничего, что ему действительно было нужно, он просто ткнул пальцем в первый попавшийся ряд.

Увидев, что Сы Юцзинь собирается продолжать, торговец помрачнел и тут же изменил правила:

— Послушайте, господин, раз вы такой мастер, то теперь, чтобы засчиталось, вы должны пригвоздить табличку прямо к задней доске.

Зрители возмущенно загудели:

— Разве это не издевательство?

— Как это вообще возможно? Хозяин, ты что, не умеешь проигрывать?

— Как только встретил сильного противника, сразу правила меняешь, фу!

Торговец не обращал внимания на возгласы, лишь своенравно задрал подбородок, искоса поглядывая на Сы Юцзиня.

— Не хотите играть — верну деньги, а белый нефрит отдайте обратно, — он скрестил руки на груди.

Толпа сочувствовала Сы Юцзиню, но тот не проронил ни слова. Он просто сменил угол обзора и метнул бамбуковую палочку.

Следом за ней полетела вторая, третья...

Восемь палочек покинули его руку, ровным рядом впившись в деревянный шкаф: четыре пригвоздили саму табличку, а еще четыре пронзили веревочки, на которых она держалась.

Последняя палочка вылетела из руки Сы Юцзиня, чиркнув над головой торговца, и вонзилась в шкаф прямо за его спиной, пригвоздив его головную повязку.

Торговец затрясся от ужаса. Сы Юцзинь невозмутимо произнес:

— Твоя голова не крепче того шкафа. Отдай товары этому господину.

Торговец сглотнул ком в горле и поспешно собрал вещи. Он выложил их перед Ци Пэйсюанем.

Ци Пэйсюань смотрел на фарфоровую куклу, пару жемчужных заколок, трость и мяч для цуцзюй.

— Что с этим делать? — спросил Ци Пэйсюань.

Сы Юцзинь нахмурился, немного подумал, а затем подошел к толпе. Он присел и отдал куклу и мяч детям, стоявшим рядом с одной из дам. Трость он подарил пожилому человеку.

В руках осталась лишь пара жемчужных заколок. Несколько девушек, краснея, протиснулись вперед. Сы Юцзинь замялся.

— Господин Сы... Пятый господин... — прозвучал тихий голос. Это была Хань Тинчунь.

Она улыбнулась, не ожидая встретить молодого генерала на ночном рынке. Сы Юцзинь подошел к ней и протянул заколки.

— Господин Сы, это... — Хань Тинчунь посмотрела на подарок.

Маленькая пара, довольно изящная, хотя и из недорогих материалов.

Сы Юцзинь неловко улыбнулся:

— Это мой выигрыш. Я подумал, что они довольно милые, и раз уж они оказались у меня, решил подарить их вам, барышня.

Увидев легкую улыбку Сы Юцзиня, Хань Тинчунь зарделась:

— Благодарю вас, господин Сы.

Она приняла заколки — маленькие, нежно-розовые цветы, лежащие на ладони, с тремя свисающими вниз белыми жемчужинами. Сердце забилося чаще.

Ци Пэйсюань улыбнулся:

— Эти заколки очень вам идут.

— Господин генерал, не могли бы вы... помочь мне их надеть? — смущенно опустила голову Хань Тинчунь.

Сы Юцзинь посмотрел на служанку рядом с ней, почесал затылок и заколебался:

— Я... я человек грубый, руки неловкие, боюсь причинить вам неудобство.

— Ничего страшного. Раз уж это ваш подарок, я хочу, чтобы именно вы их надели, — голос Хань Тинчунь стал тише, но Сы Юцзинь всё услышал.

Он взял заколки и осторожно закрепил их в волосах девушки. Маленькие цветы смотрелись на ней совсем не дешево. Красавица улыбнулась, и эта нежность была подобна тем самым розовым бутонам в ее волосах — милая и очаровательная.

— Барышня Хань, не хотите прогуляться с нами? — предложил Ци Пэйсюань.

Служанка Хань Тинчунь слегка подалась вперед и шепнула ей на ухо:

— Госпожа, уже поздно.

Услышав это, Хань Тинчунь покачала головой:

— И правда поздно, мне пора возвращаться, иначе отец будет волноваться.

— Тогда берегите себя, — сказал Ци Пэйсюань.

Девушка кивнула и ушла. Ци Пэйсюань и Сы Юцзинь продолжили прогулку в сопровождении Хуна. Все, что казалось Сы Юцзиню любопытным, он тут же покупал.

Хун, нагруженный горой подарков, вздохнул: если бы молодой генерал был женщиной, завтра об этом гуляла бы вся столица.

Лишь поздно ночью они расстались. При прощании Сы Юцзинь с изумлением посмотрел на грудь вещей в руках Хуна.

Ци Пэйсюань с широким жестом заявил:

— Все это дарю тебе, генерал.

— А?

Не дав Сы Юцзиню опомниться, Ци Пэйсюань приказал Хуну:

— Отнеси это генералу домой, а я прогуляюсь пешком.

— Слушаюсь.

Ци Пэйсюань развернулся и, счастливо улыбнувшись, бросил через плечо:

— Сы Юцзинь, отныне мы друзья!

Он ушел, не дожидаясь ответа. Сы Юцзинь посмотрел на Хуна, чье лицо почти скрывалось за горой свертков, и беспомощно улыбнулся.

— Давай я помогу тебе нести часть.

Они пошли вместе. Хун заговорил:

— Генерал, мой господин очень хотел подружиться с вами. Вы отказывались, вероятно, из осторожности, но...

Сы Юцзинь молчал. Хун годами служил своему господину и знал о скрытых течениях при дворе.

— Мой господин не претендует на трон, это всем известно, так что вы можете не опасаться дружбы с ним.

— М-м.

Лишь короткий ответ. Но сегодня прогулка с Ци Пэйсюанем принесла ему радость. Сколько лет он не чувствовал себя так легко?

Хун молча проводил его до резиденции генерала-защитника.

Тем временем Ци Пэйсюань, возвращаясь домой, рассматривал в лунном свете нефритовую подвеску.

— Сы Юцзинь... теперь мы хорошие друзья! Интересно, какое лицо скрывается под этой

маской... — в приподнятом настроении он вернулся во дворец.

Сы Юцзинь с Хуном подошли к воротам резиденции. После стука ворота открылись, и их встретил мрачный Сы Чжун, рядом с которым стояли Сунь Гэ, Сы Юйшу и несколько слуг с палками.

Хун нахмурился. Сы Чжун рявкнул:

— На колени!

Сы Юцзинь рухнул на колени. Сверху послышался голос отца:

— Где ты был?

— На ночном рынке, — последовал лаконичный ответ.

Сы Юйшу, глядя на вещи, лежащие рядом с опустившимся на колени братом, и на те, что держал Хун, достала платок и усмехнулась:

— Братец, ты такой расточительный, интересно, что же ты накупил?

Сы Чжун взглянул на свертки в руках Хуна, и гнев его вспыхнул с новой силой. Сунь Гэ поспешила удержать Сы Юйшу, слегка подталкивая ее внутрь:

— Юйшу, иди скорее домой!

Но та отстранилась и, подойдя к Сы Юцзиню, открыла несколько коробок — внутри оказались детские игрушки. Она холодно хмыкнула:

— Братец, такой взрослый, а покупаешь детские безделушки. Ты, я погляжу, умеешь наслаждаться жизнью.

Лицо Сы Чжуна почернело, и он с силой пнул вещи, лежавшие рядом с сыном.

— Юйшу, иди внутрь! — Сунь Гэ, видя ее поведение, вышла из себя.

— Нет! Разве нельзя сказать правду, когда брат так разбрасывается деньгами? Сегодня он позорит нас своим видом, а тратит деньги на этот мусор. Разве он не заслуживает наказания?

Сы Юйшу злобно смотрела на Сы Юцзиня. Она собиралась мстить ему за позор в саду Синьцзин по крупичам, и это было только начало.

Хун попытался объяснить, но, будучи обремененным вещами, мог лишь сказать:

— Нет... Великий генерал...

Сы Чжун не обратил на него внимания и приказал:

— Взять его! Двадцать ударов палками. И пусть стоит на коленях, обдумывая проступок!

Сунь Гэ вцепилась в рукав мужа:

— Господин... Юцзинь не хотел ничего плохого, пощадите его в этот раз, дети ведь так любят играть...

— Еще десять ударов.

— Господин...

— Еще десять.

Сунь Гэ замолчала, заливаясь слезами. Сы Чжун повернулся к ней:

— Если госпоже кажется, что сорока ударов мало, вы можете просить еще.

— Нет, Великий генерал, вы... — начал Хун.

— Пятьдесят ударов! — безжалостно отрезал Сы Чжун.

Сунь Гэ разжала руки и опустилась на землю, глядя на Хуна со слезами на глазах. Хун хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Слуги колебались, но Сы Чжун пригрозил:

— Если кто-то проявит жалость, получит еще пятьдесят ударов.

Двое слуг переглянулись и подошли к Сы Юцзиню:

— Молодой господин, простите.

Сы Юцзинь молчал. Сы Юйшу довольно усмехнулась и направилась в дом.

Тишину ночи нарушил свист палок. Удары один за другим обрушивались на спину Сы Юцзиня. Хун стоял в оцепенении. Сунь Гэ хотела подбежать, но ее удерживала служанка Чжусю.

Хун бросил вещи и хотел вмешаться, но его преградили другие слуги.

— Молодой человек, это семейные дела нашей резиденции, не вам, постороннему, вмешиваться, — холодно заметил Сы Чжун.

Хун, сжимая зубы, развернулся и ушел — он должен был немедленно доложить обо всем князю.

После того как все ушли, Сунь Гэ подползла к Сы Юцзиню и обняла его:

— Дитя... мое дитя...

— Идите в дом... со мной все в порядке, — голос Сы Юцзиня был хриплым и слабым.

Сунь Гэ качала головой:

— Мать виновата перед тобой, я всегда защищала твою сестру, но ведь ты тоже мой ребенок... Я не могла позволить ей погибнуть.

— Значит, я должен терпеть унижения сестры? Матушка, я могу вынести любую боль, но... можете ли вы хоть раз полюбить меня так же, как ее? — тихо спросил Сы Юцзинь.

Сунь Гэ замерла, вытерла слезы:

— Дитя, я сейчас же пойду к отцу и все ему объясню.

Чжусю преградила ей путь:

— Госпожа, не делайте глупостей.

— Юцзинь тоже мой ребенок, я должна все прояснить... — Сунь Гэ пыталась вырваться.

Но слабая женщина не могла тягаться с крепкой служанкой. Чжусю шепнула:

— Если вы это сделаете, все страдания молодого господина будут напрасны! А если правда откроется, на господина падет обвинение в обмане императора! Госпожа!

Сунь Гэ застыла.

Сы Юцзинь горько усмехнулся:

— Идите, стало холодно.

Он закрыл глаза, не желая больше ничего говорить. Сунь Гэ опустилась перед ним, погладила по голове:

— Дитя, я виновата перед тобой.

Успокоившись, она не смогла больше смотреть на его мучения и ушла в дом.

Когда ворота закрылись, Сы Юцзинь поднял голову, посмотрел на табличку с названием резиденции и криво улыбнулся. Губы его побелели, а лоб покрылся испариной.

— Если бы слово «прости» могло искупить эту боль...

Чи Ин появилась из тени:

— Господин...

Сы Юцзинь, все еще стоя на коленях, прошептал:

— Собери вещи.

Чи Ин подняла их — некоторые игрушки разбились. Сы Юцзинь смотрел на обломки, разложенные перед ним.

Чи Ин хотела что-то сказать, но он опередил ее:

— Я в порядке. Ступай, приготовь лекарство. Хорошо, что это лишь внешние раны.

Сы Юцзинь перебирал осколки, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. Тот юноша ради дружбы с ним не поскупился. Интересно, сколько денег он потратил?

Если это действительно не повредит его будущему и если он сможет помочь ему в трудную

минуту, то, пожалуй, такая дружба того стоит.

Тем временем Хун вернулся во дворец и узнал, что Ци Пэйсюань уже спит. Стоя у его дверей, Хун не знал, что делать. Раньше он считал себя, подобно Сы Юцзиню, закаленным клинком, но теперь понял — Сы Юцзинь перенес куда больше страданий. И на рынке, и эти пятьдесят ударов...

Даже если его собственное детское обучение было суровым, он хотя бы знал вкус сладостей.

Князь спит, стоит ли его будить?

<http://bllate.org/book/20740/2077764>